

Теоретико-методологические основы исследования ожиданий и мотивации волонтеров *

¹ Галина Максимовна Романова

² Ирина Николаевна Макарова

³ Александр Владимирович Шашков

¹ Сочинский государственный университет, Россия

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Доктор экономических наук, профессор, ректор

E-mail: university@sufr.ru

² Сочинский государственный университет, Россия

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Кандидат психологических наук, доцент

E-mail: in-makarova@yandex.ru

³ Сочинский государственный университет, Россия

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: kafpp32@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются экспектационные тенденции мотивационной сферы представителей социальных групп как научная основа для организации волонтерского движения. Уделено внимание взаимосвязи мотивационного профиля волонтера с уровнем его коммуникативных способностей.

УДК 378

Ключевые слова: экспектация, мотивация, волонтерская деятельность, Олимпийские игры 2014 г.

Предстоящие Олимпийские и Паралимпийские игры 2014 г. представляются современными исследователями как широкомасштабное международное событие, детерминирующее спектр социально-психологических тенденций в жизни российского общества. Уникальность этого социально-исторического феномена, в котором психологический, социологический, философский, этнокультурный и прочие аспекты представляют широкое поле для научных исследований и разработок, актуализирует интерес к нему со стороны науки и стимулирует многоплановые системные исследования в различных сферах жизни общества. В подразделениях нашего университета накоплен немалый опыт изучения как естественнонаучных, так и гуманитарных аспектов развития Сочинского региона. Научное осмысление такого события, как Олимпийские игры 2014 г., реализуется вот уже несколько лет, и результаты, полученные в ходе этих исследований [1, 2, 3, 4 и др.], дают основание для некоторых предварительных выводов.

Детерминируемые подготовкой к Олимпийским играм 2014 г. системные изменения в различных сферах жизни человека и общества в нашем регионе, социально-психологические феномены могут быть рассмотрены в двух аспектах. Прежде всего, как система ожиданий, связанных с неотвратимыми изменениями привычного уклада жизни и жизненных перспектив у представителей различных общественных слоев и групп нашей страны в целом и жителей города в частности. И, во-вторых, как система мотивационных тенденций упомянутых слоев и групп, отчасти связанных с этими ожиданиями.

Исследования динамики и эмоционально-смысловой валентности экспектаций в перспективе позволяет выйти на научно-обоснованные социальные программы в сфере общественных отношений. Исследования мотивационной сферы представителей социальных групп выступают научной основой для организации волонтерского движения и работы с рекрутированием в него населения.

* Исследование выполнено в рамках темы НИР 10.191.2011 «Научно-методическое сопровождение деятельности волонтерских центров», проводимой по государственному заданию Министерства образования и науки РФ в 2012 г.

В данной статье мы представим результаты двух связанных между собой исследований экспектаций жителей г. Сочи в отношении Игр 2014 г. и мотивационных тенденций волонтеров и кандидатов в волонтеры, выполненных сотрудниками СГУ.

Прежде всего необходимо отметить, что преобразования, вызванные подготовкой к Олимпийским играм, коснулись очень большой части населения нашего города и страны и вызвали экспектации, связанные как с личной жизненной перспективой индивида, так и с функционированием социальных институтов и сообществ. При условии рассмотрения этого спектра экспектаций в контексте их эмоциональной валентности представляется актуальным изучение как позитивных, так и негативных означенных экспектационных паттернов.

Среди факторов, потенциально влияющих на эмоциональную валентность ожиданий граждан нашей страны, связанных с Олимпийскими играми 2014 г., необходимо отметить следующие: межэтническая и международная коммуникация; психологические явления, сопровождающие процесс смены места жительства; психологические явления, связанные с потерей, обретением или перспективой работы; психологические явления, вызванные изменениями экономического и социального благополучия российского общества. Изучение ожиданий жителей нашего города в отношении этих преобразований представляется актуальным в силу их известной регулятивной функции – «если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям» [5]. В зависимости от эмоциональной валентности и смысловой специфики экспектации в отношении Олимпийских игр 2014 г. у жителей города Сочи являются фактором, определяющим их некоторые жизненно важные решения. К таковым, помимо прочих, мы относим решение о выборе стратегии профессиональной карьеры – повышение квалификации (с целью отвечать высоким требованиям олимпийскихстроек, объектов управления и обслуживания), возможной переквалификации в сфере своей профессии или смене вида профессиональной деятельности. Порождаемые предстоящими Играми 2014 г. социально-психологические процессы ставят перед общественными институтами проблему их прогноза и адекватного реагирования. Педагогический аспект важности этой проблемы очевиден: необходимость применения профессионального опыта образовательных учреждений г. Сочи в подготовке и переподготовке персонала, планирующего участие в мероприятиях, связанных с Олимпийскими играми [1]. Однако вопрос экономической целесообразности в выборе направлений профессиональной подготовки и переподготовки для имеющих или вновь созданных образовательных учреждений также очевиден. Только системное изучение интенций (экспектаций) общества в отношении этого события позволит решить обозначенные проблемы.

В науках, изучающих человека и общество, экспектации становились предметом психологических, социологических, политических, экономических, педагогических и многих других исследований. Будучи введены в понятийный аппарат гуманитарных наук Э.Д. Толменом, экспектации получили интересный аспект рассмотрения в символическом интеракционизме Дж. Мида, который одним из первых раскрыл их механизм. Среди зарубежных ученых, в работах которых так или иначе рассматривалось понятие экспектаций, следует отметить исследования Т. Шибутани, Т. Парсона, Г. Блумера, И. Гоффмана, Б. Скиннера, А. Бандуры, Р. Мертона и многих других. В отечественной психологии теоретические разработки, прямо или косвенно связанные с изучением системы ожиданий индивида, принадлежат С.Л. Рубинштейну, М.М. Бахтину, К.А. Абдульхановой-Славской, Г.М. Андреевой, И.С. Кону, В.А. Ядову и др.

Анализ научной литературы выявил, что за последние несколько десятилетий был проведен ряд исследований экспектаций: мотивационное значение социальных ожиданий (М.Л. Гомелаури); ситуации социального общения (В.Р. Кисловская); динамика самооценки и ожидаемой оценки подростков в условиях вхождения личности в новый коллектив (А.П. Копылова); экспектации как механизм индивидуального сознания личности (Е.В. Гордиенко); экспектации населения в отношении платных медицинских услуг (Дроздов С.В.); ценностные экспектации горожан в сфере социально-медицинской работы (Чижова В.М.) и др. В существующих работах, затрагивающих проблему экспектации, прежде всего подчеркивается нормативная роль этого механизма в контексте внутригрупповых процессов, в которых объектом экспектации выступает другой человек или группа. Между тем в психологической и социологической науках малоизученной остается

область изучения экспектаций по отношению к внегрупповым событиям, имеющим потенциальную возможность внести изменения в различные сферы жизнеосуществления индивида.

В современной гуманитарной науке термин «экспектация» [англ. expectation – ожидание] распространен достаточно широко. Его используют в таких дисциплинах, как социология, социальная психология, педагогика, политология и многих других. В справочной психологической литературе [6] термин «экспектация» раскрывается как система ожиданий, требований относительно норм исполнения индивидом социальных ролей. Экспектации понимаются здесь как разновидность социальных санкций, упорядочивающих систему отношений и взаимодействий в группе. Именно групповая специфика рассмотрения экспектации как регулятива поведения в группе позволяет исследователям выделять его неформализованный и не всегда осознаваемый характер. В том же социально-групповом ключе выделяют две стороны экспектации – право ожидать от окружающих поведения, соответствующего их ролевой позиции, и обязанность вести себя соответственно ожиданиям других людей. Различают также экспектации предписывающие, определяющие должный характер исполнения индивидом роли, и экспектации предсказывающие, определяющие вероятностный характер исполнения этой роли с учетом индивидуальных особенностей субъекта и конкретной ситуации.

Как видно из приведенного и типичного для социальной психологии определения экспектации, этот социально-психологический феномен прочно увязывается с категориально-понятийным аппаратом изучения малой группы, что, собственно, не удивительно, если учесть, что в социальной психологии рамки малой группы долгое время определяли объект этой науки. Однако специфика предмета социальной психологии, генетически связанного как с собственно психологией, так и с социологией, позволяет несколько расширить смысловое наполнение термина «экспектация». Для этого необходимо рассмотреть и социологическое понимание этого термина.

В социологии [7] экспектация понимается как набор индивидуальных ожиданий человека, обусловленный свойственным ему типом социального поведения, его социальным статусом, а также характеристиками современного ему общества. В свою очередь, положение человека в общественной иерархии может трактоваться как результат исполнения им самим совокупности экспектаций социума по отношению к нему, а также как результат социального взаимодействия его индивидуальных экспектаций, с одной стороны, и социальных санкций или поощрений – с другой.

Сравнительный анализ социально-психологического и социологического понимания экспектации позволяет сделать следующие предварительные выводы. Во-первых, и в социологии, и в социальной психологии экспектация рассматривается в системе «человек – группа» и ее значение ассоциировано с нормами, правилами и санкциями. Собственно экспектация в таком понимании есть ожидание поощрений или санкций со стороны группы на то или иное ролевое поведение индивида.

Во-вторых, можно сделать вывод об обязательном присутствии в таком понимании экспектации других людей и как контролирующей инстанции, и как субъектов пространства социального взаимодействия. В таком ракурсе рассмотрения экспектации акцентируется ее обязательная направленность на интернальные или экстернальные взаимодействия с другими индивидами.

В-третьих, в обеих научных дисциплинах понимание экспектации как системы ожиданий подчеркивает ее регуляторный характер, более затрагивающий поведение индивида, нежели ценностно-смысловую систему его мировоззрения.

В-четвертых, и социальная психология, и социология рассматривают экспектацию как неотъемлемый атрибут социальной роли. Различаясь, на наш взгляд, величиной общности для данной роли – малая группа для социальной психологии и большие общности людей (жители города, граждане государства) для социологии. Важно подчеркнуть, что в таком аспекте рассмотрения экспектации предстают как универсальный и типичный набор ожиданий, характерный для той или иной социальной роли и в этом смысле могут быть поняты как неиндивидуальные, социально-предзаданные.

Однако приведенные выше определения экспектации, на наш взгляд, сужают понимание объекта системы ожиданий до поведения и, собственно, большая часть существующих в социальной психологии исследований экспектаций не выходит за его

рамки. Однако в последнее десятилетие в нашей стране и за рубежом появляются исследования [8], в которых объектом экспектации становятся события, услуги, явления и т.д. Важной особенностью таких объектов исследования выступает их неизбежное влияние на жизнь участвующих в выборке исследования людей. Необходимо отметить, что большая часть этих исследований – социологические, однако мы полагаем, что ожидания индивида по поводу влияния на его жизнь какого-либо события или явления могут выступать предметом психологического изучения.

Зафиксировав таким образом исторически сложившиеся дисциплинарно-понятийные границы экспектации как социально психологического феномена, выделим определяющие, на наш взгляд, характеристики системы ожиданий. В качестве таковых выступают – регуляторная функция экспектации и ее относительная универсальность как характерного для социальной роли набора ожиданий. Также немаловажным представляется такая характеристика экспектации, как поощрения или санкции в ответ на поведение индивида. По сути, выводя понимание экспектации за границы малой группы, мы полагаем, что санкции и поощрения возможно обобщить термином «воздействие». Тогда экспектация может быть понята как система ожиданий по поводу воздействия на значимые сферы жизни и деятельности индивида какого-либо события (будь то его поведение в группе или процесс реформирования государством системы образования). Для уточнения рабочего определения экспектации необходимо рассмотреть ее в феноменологической плоскости.

Феноменологическая картина экспектации позволяет выделить в этом феномене такие блоки, как:

- объект ожидания, удаленный во времени по оси «настоящее–будущее»;
- прогнозируемое воздействие объекта ожидания на различные жизненные сферы индивида;
- отношение к этому воздействию и событию, обусловленное прошлым опытом подобных воздействий (событий);
- образ Я-ролевая позиция человека как субъекта ожидания.

Разберем эти блоки более подробно: некое событие, вероятность осуществления которого достаточно велика, актуализирует имажитивные процессы, позволяющие создать предвосхищающий образ этого события, материалом которого выступает прошлый опыт переживания подобных событий, а также информация о нем, полученная из внешних источников. Соотнесение полученного предвосхищающего образа события с когнитивной, потребностно-мотивационной, аффективной и коннотативной сферами «Я» индивида порождает комплекс ожиданий по поводу характера и специфики воздействия этого события. Причем эти ожидания определяются как переживаемым чувством степени готовности человека к требованиям этого события, так и вероятным спектром изменений его жизнедеятельности, которые оно за собой повлечет.

Важно отметить, что переживаемое субъектом чувство готовности к какому-либо событию может быть рассмотрено в двух выделяемых исследователями аспектах экспектации – предписывающем и прогнозирующем. Так, в предписывающем аспекте образ предстоящего события соотносится с набором социально-нормативных предписаний для тех социальных ролей, в которых самореализуется индивид. Очевидно, что на характер и эмоциональную валентность ожиданий будет оказывать влияние степень овладения человеком социальной ролью. В предсказывающем аспекте образ предстоящего события соотносится с ранее приобретенным опытом переживания подобного события и/или опытом необходимых (относительно универсальных) действий для его осуществления. Характер и эмоциональная валентность ожиданий по поводу предстоящего события в таком случае будет определяться этим, ранее приобретенным, опытом переживания подобного события и/или опытом необходимых (относительно универсальных) действий для его осуществления. В данном контексте необходимо помнить, что этот опыт переживания подобного события и необходимых действий для его осуществления напрямую связан с той или иной социальной ролью человека.

Определив таким образом дисциплинарные, понятийные и феноменологические границы экспектации, мы получаем возможность экстраполировать полученные теоретические выводы на объект и предмет нашего исследования.

Событие, на которое направлены изучаемые нами экспектации, – предстоящие Олимпийские и Паралимпийские игры 2014 г. Будучи многомерным для рассмотрения событием, оно может быть представлено в следующем, далеко не полном, перечне аспектов:

- как событие в политической, экономической и культурной жизни нашей страны;
- как событие, требующее сложной и длительной подготовки, которое внесет инфраструктурные, экологические, этнологические и иные изменения в геополитический ландшафт места его проведения;

- как событие в силу своей многоплановости способное предоставить возможность личного участия в его подготовке и проведении широкому спектру специалистов в своей профессии.

Вот далеко неполный перечень направлений исследования психических репрезентаций (экспектаций), детерминированных широкомасштабным социальным событием.

Экспектации, связанные с Играми 2014 г., у жителей г. Сочи нашли отражение в результатах следующего проведенного нами исследования мотивационных тенденций кандидатов в волонтеры среди молодежи нашего города.

Подготовка к Олимпийским играм 2014 г. в числе прочих социальных преобразований породила относительно новую для нашей страны форму организации общества – волонтерское движение. Необходимость привлечения добровольцев для проведения такого широкомасштабного массового мероприятия, как Олимпийские игры стимулировала государственные структуры к организации волонтерских центров, задачами которых, в самом обобщенном виде, стали отбор, обучение и организация участия добровольцев в тех или иных мероприятиях. Эта государственная инициатива получила позитивный отклик в широких слоях общества, потому что по своей сути отвечала как прагматическим, так и идеологическим потребностям субъектов общественных отношений. Идея привлечения неоплачиваемой рабочей силы к проведению краткосрочных социальных проектов различного уровня реализовалась в организации не только спортивного, но и социального волонтерства.

Победа в конкурсном отборе и соглашение между АНО «Оргкомитет «Сочи 2014» и «Сочинским государственным университетом» дали вузу почетное право открытия Центра подготовки волонтеров и возможность отбора, организации и подготовки волонтеров для участия в проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи. Появившийся в результате волонтерский центр «Forward» создавался в СГУ не с нуля: университет уже не первый год участвует в волонтерских проектах города и создает собственные. Еще с 1 октября 2009 г. в вузе был организован клуб волонтеров «Созидание», призванный структурировать волонтерскую работу студентов.

Помимо участия в социальном, образовательном и творческом волонтерстве, студенты-волонтеры обслуживают форумы (в том числе ежегодный Международный инвестиционный форум), выставки, конференции. Волонтеры имеют возможность поработать переводчиками, интервьюерами, заниматься регистрацией гостей, сервисным и транспортным обслуживанием и др. Но на сегодняшний день самым приоритетным направлением волонтерской деятельности является совместная работа с АНО «Оргкомитет «Сочи 2014». Волонтеры СГУ участвуют в проектах Оргкомитета, в том числе в проведении спортивных соревнований, встречают комиссии МОК и НОК, гостей, заинтересованных в Сочи как столице будущих Игр, обмениваются опытом с волонтерами других стран (в том числе США, Индии, Австрии). Два года подряд добровольцы СГУ обслуживают спортсменов и гостей предстесовых соревнований, проходящих в Красной Поляне.

7 февраля 2012 г. стартовала компания по набору волонтеров на Игры 2014 г. Центр подготовки волонтеров "Forward" обучит 2700 волонтеров по таким направлениям, как "Обслуживание мероприятий (Олимпийские игры)", "Обслуживание мероприятий (Паралимпийские игры)", "Размещение", "Управление Олимпийской деревней", "Церемонии".

Обратившись к опыту других стран, в которых волонтерские объединения уже много лет привлекаются к организации и проведению мероприятий различного масштаба, стало очевидно, что для эффективной организации волонтерского движения в нашей стране необходим ряд психологических, социологических и иных исследований. Наиболее актуальной, по мнению ряда исследователей, является проблема разработки эффективной

программы мотивации добровольцев, для решения которой необходим выход на ценностно-мировоззренческие характеристики современных граждан России. Как отмечается в литературе, социально-психологический феномен волонтерства – добровольный и бескорыстный труд – явление, характерное для общества с развитым и высоким социально-экономическим уровнем. Однако «вознаграждение» за такой труд добровольцев, как правило, не имеет материального воплощения. Это как ряд внутренних, психологических бонусов (чувство причастности, гордость за свою работу и т.п.), так и внешних социально-психологических (позитивный имидж и т.п.). Однако в современной социально-экономической ситуации России, население которой еще каких-нибудь 10 лет назад выживало в тяжелейших условиях смены государственного строя, бескорыстный труд на благо третьих лиц как социальный феномен, возможно, имеет отличную от иностранных культур психологическую составляющую.

Как показывает анализ научной литературы, в нашей стране в достаточно короткие сроки социальный феномен волонтерства изучается целым рядом гуманитарных дисциплин. Под волонтерской деятельностью понимается форма социального служения, осуществляемая по свободному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг на местном, национальном или международном уровнях, способствующая личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан (волонтеров). Соответственно волонтеры – это люди, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя.

Определяющими суть волонтерства словами в вышеприведенном определении, на наш взгляд, являются «бескорыстное оказание социально-значимых услуг» и «благотворительная деятельность в форме безвозмездного труда». Это ставит участников волонтерских объединений как бы вне социально-экономической структуры общественного устройства, в которой труд индивида в той или иной форме вознаграждается. Даже, казалось бы, в максимально социально-ориентированном государстве, которым был СССР, труд участников всесоюзныхстроек, боевых действий в период ВОВ, людей, осваивавших целину, оплачивался. Однако практика краткосрочных мероприятий, экономический результат которых был направлен в сторону третьих лиц, существовала – дополнительная рабочая смена, субботник и т.п. В современной России, ставшей на путь капиталистической экономики и переложившей большую часть финансовой ответственности на плечи граждан, волонтерство как социальный феномен существует в более сложных экономико-мировоззренческих условиях. Отсюда необходимость анализа мотивационной составляющей волонтерского движения представляется актуальной как для выявления неких базовых, модальных личностных характеристик россиян, так и для разработки эффективных политтехнологических стратегий привлечения граждан к участию в волонтерских объединениях.

На наш взгляд, одна из перспективных стратегий научного исследования и прогнозирования добровольчества как социально-психологического феномена – рассмотрение его в контексте мировоззренческих установок, характерных для российской культуры. Отчасти в этом направлении работают некоторые социологи и психологи, изучая мотивацию добровольчества в разных возрастных группах населения. Однако, помимо собственно возрастных психологических особенностей, представляется значимым изучение характерного для общественных слоев и групп мировоззренческого паттерна, в котором добровольчество выступает как элемент структуры миропонимания и мироотношения.

Анализ литературы показал, что проблема мотивации участия человека в деятельности общественных организаций вызывает наибольший интерес исследователей.

Среди источников мотивации волонтеров Н.В. Ходырева выделяет: 1) интересы, стремления, потребности; 2) социальные факторы, воздействующие на человека и определяющие его выбор; 3) соответствие предметного содержания участка работы потенциалу и интересам человека [9].

К внешней мотивации Н.В. Ходырева относит то, что ориентирует человека на достижение лучших результатов – моральное поощрение, материальное вознаграждение, гонорары и премии [9]. При этом стоит отметить, что, по мнению Е.П. Ильина, внешне стимулируемая мотивация связана с зависимостью (референтной, информационной, властной) от внешних условий и обстоятельств, а внутренняя – с личностными

диспозициями (потребностями, установками, интересами, желаниями), однако мотивация всегда внутренне обусловлена, и внешние факторы должны трансформироваться во внутренние.

Г.Г. Дилигенский, рассматривающий социальную активность как проявление особых психических черт личности – ее способности и потребности активно воздействовать на социальную среду, предложил разделить членов любого общества по критерию вовлеченности в социальную жизнь на три группы: а) «профессионалы» и «лидеры»; б) «активисты», систематически и активно участвующие в общественной жизни; в) «масса» – большинство общества активного участия в общественно-политической жизни не принимает [10].

Психологической мотивацией участия в общественных движениях, по мнению О.Н. Яницкого, являются потребности в самореализации личности, общении, обогащении социальных связей личности, принадлежности к группе; стремление к самоосуществлению или самоутверждению. Формула «все вместе» выражает ценностную, аффективную и поведенческую установку на формирование активной, действующей общности и включение в нее. Эта установка становится основой комплекса норм и ценностей, принимаемых личностью волонтера [11].

Результаты исследований Н.М. Федоровой, проведенных среди московских добровольцев, выявили следующие потребности, побуждавшие людей заниматься благотворительной деятельностью в качестве волонтеров:

- быть социально полезным – 89 %,
- способствовать изменениям в обществе – 50 %,
- самореализация – 36 %,
- поиск единомышленников – 36 %,
- из чувства долга за помощь в прошлом – 19 %,
- интересно провести досуг – 15 %,
- решить собственные проблемы – 10 % [12].

Опираясь на данные неформализованных интервью с волонтерами, Н.М. Федорова предполагает, что для человека предпочтительнее декларировать значимость своего участия в публичной сфере общественной жизни, нежели признать собственное одиночество и неустроенность личной жизни, проявляемых в формулировке «решить собственные проблемы» [12].

Проведенное в Санкт-Петербурге социологическое исследование показало, что для большинства волонтеров благотворительная деятельность была связана со стремлением решить свои собственные проблемы как материального, так и психологического характера:

- потребность в самореализации;
- реализация мотива сопричастности, поиска идентичности;
- прагматические мотивы: перспективы карьерного роста, связанные с возможностью обучения и получения профессионального опыта; мотивы материального характера; возможность разнообразить свой досуг (характерны для молодежи);
- религиозные (этически или идеологически обоснованные) мотивы;
- наличие большого количества свободного времени (характерно для «молодых» пенсионеров) [12].

По данным десятилетнего наблюдения (1981–1991 гг.) и исследования, проведенного Дэвидом Дж. Бейкером (Великобритания) в нескольких странах Европы и Северной Америке, среди основных причин участия в волонтерской деятельности примерно половиной населения указывалось чувство долга или моральной обязанности, желание внести свой вклад в жизнь родного города или местности, возможность приобретения новых навыков или полезного опыта, а также потребность делать что-либо полезное в свободное время. По данным других научных исследований мотивов добровольчества, Шамбр выделил шесть независимых переменных, влияющих на мотивацию взрослых добровольцев, которые включают потерю занимаемого ранее положения, состояние здоровья, возрастные и социально-экономические индикаторы, демографию, социальную вовлеченность, проведение свободного времени и получение удовлетворения от жизни. Ислей исследовал различие мотиваций новых и опытных добровольцев, определив девять категорий мотивов: приятное проведение времени и перемена ритма жизни, гуманитарные мотивы,

финансовые мотивы, мотивы личностного развития, социальные мотивы и мотивы выхода из негативных состояний [13].

Результаты исследования Е.С. Азаровой мотивации российских добровольцев свидетельствуют о том, что главными мотивами, побуждающими к добровольческой деятельности, являются:

- стремление к строительству более справедливого и свободного общества;
- энтузиазм, доброта и подвижность граждан;
- стремление быть социально полезным другим людям;
- равнодушие к происходящему вокруг;
- желание реализовать себя и свои инициативы;
- желание решить проблемы других людей и собственные проблемы [14].

Часто в качестве мотива добровольческой деятельности выступают потребность в контактах с другими людьми и преодоление чувства одиночества. Добровольчество отвечает естественной потребности быть членом группы, ценностям и целям которой доброволец может полностью соответствовать.

В то же время стоит отметить наличие у волонтеров мотивов, связанных с получением новых навыков, рекомендаций для приема на оплачиваемую работу. Часто эти мотивы появляются в связи с тем, что работодатели склонны принимать на работу людей, уже имеющих какой-то трудовой опыт [14]. Многими практиками волонтерского движения участие в нем рассматривается как проявление просоциального поведения, которое, в свою очередь, связывают с альтруистическими установками [15].

В социально-психологической литературе существуют противоречивые взгляды на альтруизм и просоциальное поведение:

а) альтруистическое и просоциальное поведение рассматривается Б.П. Ильиным как синонимы – это поведение, направленное на благо других и не рассчитанное на какую-либо внешнюю награду, что связывается с мотивами «морального долга» (нравственного удовлетворения, самоуважения, гордости, повышения моральной самооценки) и «морального сочувствия» (идентификационно-эмпатическим слиянием, отождествлением, сопереживанием);

б) альтруистическое (просоциальное) поведение обусловлено наличием у человека ряда душевных качеств – сострадательности, заботливости, чувства долга, ответственности.

Просоциальное поведение рассматривается Р. Бэроном, Д. Бирном, Б. Джонсоном как вызванное либо корыстными (эгоистическими), либо бескорыстными (альтруистическими) мотивами [16].

Альтруизму также даются противоречивые определения:

- система осознанных ценностных ориентаций личности, определяющая поведение личности в целом, при которых центральный мотив и критерий нравственной оценки – это интересы другого человека или социальной общности;

- невротическая потребность субъекта в ослаблении чувства вины или как компенсация первобытного эгоизма, подвергнутого вытеснению;

- стратегия, развившаяся в процессе естественного отбора для сохранения генофонда, как подсознательное желание помочь, которое возникает, если человек воспринимает жертву как генетически похожую на него самого.

Среди условий, необходимых для возникновения у человека просоциального (альтруистического поведения) называют:

- наличие образца для подражания и свободного времени, потребность в облегчении чувства вины или восстановлении своего Я-образа (М. Дарли, К.Д. Бэтсон, Х. Хорнштейн, Е. Фиш, М. Холмс);

- наличие таких качеств личности, как эмпатия, ответственность, общительность, внутренний контроль, желание произвести хорошее впечатление, вера в справедливость мира (хорошие поступки вознаграждаются); высокая социальная ответственность; внутренний локус контроля; низкий показатель эгоцентризма (Бирхоф, С. Шварц и Г. Клаузен);

- соблюдение норм или некоторых универсальных правил поведения, которые становятся для человека внутренним стандартом, а поведение в соответствии с этими правилами – ценностью (Х. Хекхаузен);

- обладание необходимыми для оказания помощи знаниями или способностями;

• степень привлекательности объекта помощи (Кларк, Р. Бэрн, Д. Бирн, Б. Джонсон).

Все вышеприведенные определения просоциального поведения и альтруизма включают в себя понятие помощи нуждающимся в ущерб иным сиюминутным интересам, но в объяснении мотивов альтруистического поведения велик разброс мнений: от корыстных ожиданий до бессознательных побуждений и генетической предрасположенности. Просоциальное поведение личности объясняется как эгоистическими, так и альтруистическими мотивами, связанными с эмпатическим сопереживанием, возникающим в случае схожести объекта и субъекта помощи.

На основании анализа исследований в области мотивации просоциального поведения можно констатировать, что оно детерминировано как психологическими особенностями личности – потребностями, установками, интересами, ценностями, так и социально-психологическими характеристиками группы, в которую включен человек – групповыми целями и ценностями, направленностью на определенную деятельность, а также характеристиками целевой группы, на которую направлена деятельность – сходством и симпатией между потенциальным помощником и человеком, нуждающимся в помощи. Мотивы просоциального поведения могут носить как альтруистический, так и эгоистический характер, они не всегда осознаются человеком, поэтому с помощью прямых вопросов их не всегда удается выяснить.

В нашем исследовании мы изучали связь мотивационного профиля волонтеров с уровнем их коммуникативных способностей (коммуникативной толерантности).

Результаты эмпирического исследования, в котором приняло участие 900 человек – волонтеров и кандидатов в волонтеры в возрасте от 18 до 50 лет, позволяют сделать следующие выводы:

1. Для испытуемых с низкой коммуникативной толерантностью характерна выраженность житейской (потребительской) направленности личности. У представителей этой группы более выражены мотивации жизнеобеспечения, социального статуса. Группа характеризуется более высокой общей и творческой активностью. Однако просоциальная мотивация «социальной полезности» у представителей группы выражена гораздо меньше.

Для представителей группы с высокой коммуникативной толерантностью характерна рабочая (производственная) направленность личности. Однако в сравнении с группой низкой коммуникативной толерантности данная группа превосходит их только по показателю «социальная полезность».

Мотивационные тенденции, выраженные в показателях параметров «комфорт» и «общение», в целом близки у представителей обеих групп.

2. Для всей выборки испытуемых ведущей мотивацией волонтерской работы является мотивация самореализации, которая идет в тандеме с просоциальной мотивацией. Готовность к волонтерской работе подчеркивается огромной разницей в баллах между мотивацией самореализации и потребностями в решении личных проблем – 30 баллов.

У представителей группы с низкой коммуникативной толерантностью мотивация самореализации выражена больше, чем у испытуемых с высокой коммуникативной толерантностью. Представители группы с высокой коммуникативной толерантностью отличаются меньшей выраженностью эго-ориентированной мотивации. Потребность в решении личных проблем у этих испытуемых меньше, чем у представителей другой группы.

3. Наиболее распространенной причиной участия в волонтерском движении, которую указывали испытуемые, стало обыденное любопытство – «хочу увидеть Олимпийские игры» – 26 % опрошенных.

Причина, которая осложняет этот выбор, – «отсутствие времени» – 53 %.

Оценивая причины участия в волонтерском движении других людей, респонденты считают, что люди становятся волонтерами, потому что «хотят реализовать себя» – 17 % опрошенных. Причина отказа других людей от участия в волонтерском движении, по мнению респондентов, – «эта работа не оплачивается» – 26 % опрошенных.

Подводя итог результатам описанных выше социально-психологических исследований, можно сделать следующие выводы. Экспектации молодежи нашего города по отношению к тем изменениям, которые внесут в их жизнь Олимпийские игры 2014 г., а именно появление большого количества рабочих мест и высокий уровень профессиональной конкуренции на рынке труда, дают основание предложить трактовку их участия в волонтерском движении. Оно может быть понято как способ, с одной стороны,

избежать конкуренции, а с другой – реализовать себя пусть и в неоплачиваемой, но связанной с будущей профессией сферой.

Примечания:

1. Романова Г.М., Пестерева Н.М. О некоторых проблемах кадрового обеспечения эксплуатации олимпийских объектов // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2009. № 3. С. 9-13; Polatayko S.V. Voluntary work organization in higher educational establishment: theory and practice // European researcher. 2011. № 1 (3).

2. Макарова И.Н. Индивидуально-стилевые детерминанты психических репрезентаций масштабных международных событий // Гуманитарный вектор. 2012. № 1. С. 211-217.

3. Макарова И.Н., Поступинская Е.В. Психические репрезентации Олимпиады-2014 в структуре образа мира // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2011. № 3. С. 209-214.

4. Шашков А.В. Экспектации в отношении широкомасштабных социальных событий как предмет социально-психологического изучения // Олимпийский Сочи: Социум. Культура. Личность: Материалы 3-й Всерос. науч.-практ. конф., г. Сочи, 7–9 октября 2010 г. / Отв. ред. И.Н. Макарова, Е.В. Поступинская. Сочи: РИО СГУТиКД, 2010. С. 151-156.

5. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика / ПЕР СЭ, 2007.

6. Корсини Р., Ауэрбах А. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2005. 936 с.

7. Журавлева И.В., Мягков А.Ю. Эффект ожиданий интервьюера в персональном интервью // Социологический журнал. 2004. № 3-4. 276 с.

8. Дроздов С.В. Экспектации населения в отношении платных медицинских услуг в период экономических преобразований в России: Автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04: Н. Новгород, 2003.

9. Ходырева Н.В. Менеджмент в некоммерческих организациях / Психология менеджмента / Под ред. Никифорова Г.С. Харьков: Изд. Гуманитарный центр, 2002. 556 с.

10. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996.

11. Яницкий О.Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. М., 1991.

12. Федорова Н.М. Мотивация участия петербуржцев в волонтерской деятельности // Волонтер и общество. Волонтер и власть: Научно-практический сборник / Сост. С.В. Тетерский. Под ред. Л.В. Никитиной. М.: «ACADEMIA», 2000. С. 54-58.

13. Онищенко Е.В. Перспективы развития волонтерского движения в России // Вестник МГУ. 2011. № 6.

14. Азарова Е.С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности: Автореф. ... канд. психол. наук / Е.С. Азарова. Хабаровск, 2008.

15. Кукушкина Л. Выбор за тобой // Социальная работа, 2005. № 3. С. 32-39.

16. Дьячек Т.П. Развитие исследовательского подхода в деятельности волонтеров (на примере США) // Сост. С.В. Тетерский. Под редакцией Л.В. Никитиной. М.: «ACADEMIA», 2000. С. 44-49.

Theoretical and Methodological Background to Research of Expectations and Motivations of Volunteers

¹ Galina M. Romanova

² Irina N. Makarova

³ Aleksandr V. Shashkov

¹ Sochi State University, Russia
26a, Sovetskaya st., Sochi, 354000
Dr. (Economy), professor
E-mail: university@sutr.ru

² Sochi State University, Russia
26a, Sovetskaya st., Sochi, 354000

PhD (psychological)

E-mail: in-makarova@yandex.ru

³ Sochi State University, Russia

26a, Sovetskaya st., Sochi, 354000

PhD (Pedagogy)

E-mail: kafpp32@yandex.ru

Abstract. The article covers expectation tendencies of motivations of social groups as a scientific foundation for volunteers' movement organization. The focus is made on interrelation of volunteer's motivational profile with the level of communicational skills.

Keywords: expectation, motivation, volunteer's activity, the Olympic Games of 2014.

UDC 378
